

Уильям Теккерей

Доктор Роззги и его юные
друзья

Перевод с английского
Инны Бернштейн

ФТМ

Уильям Теккерей

**Доктор Роззги и
его юные друзья**

«ФТМ»

Теккерей У. М.

Доктор Роззги и его юные друзья / У. М. Теккерей —
«ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2824-4

Книга в переводе Виктора Александровича Хинкиса включает цикл лекций "Английские юмористы XVIII века", прочитанных Уильямом Мейкписом Теккереем в Англии, Шотландии и Соединенных Штатах Америки.

ISBN 978-5-4467-2824-4

© Теккерей У. М.
© ФТМ

Теккерей Уильям Мейкпис

Доктор Роззги и его юные друзья

Записки мистера М. А. Титмарша

Доктор и его заведение

Я не считаю нужным объяснять мотивы, по которым поступил младшим педагогом и учителем английского и французского языков, цветочных аппликаций и игры на флейте-пикколо в «Академию» доктора Роззги. Добрые люди могут мне поверить: не просто так сменил я свою квартиру близ Лондона и приятное интеллигентное общество на кафедру помощника учителя в этой старой школе. Уверяю вас, скудный учительский хлеб, ежеутренние вставания в пять часов, прогулки с младшими мальчиками (которые строили мне каверзы, так и не проникнувшись ко мне должным почтением как к своему грозному и всевластному наставнику), грубости мисс Роззги, – угрюмая наглость Джека Роззги и покровительственное обращение самого старика доктора-все это весьма мало приятно. Их высокомерие, их злосчастные обеды, право же, нередко становились мне поперек горла. Ну да что там – счета мои с их школой покончены. Надеюсь, теперь они нашли себе более умелого младшего учителя. Джек Роззги (преподобный Дж. Роззги, питомец колледжа Святого Нита в Оксфорде) вошел партнером в дело своего отца, доктора Роззги, и сам ведет некоторые предметы в школе. Не могу сказать достоверно, каковы его познания в греческом языке, но в латыни я, во всяком случае, разбираюсь лучше него. Второго такого надутого дурака (и чем чванится! – что у них живет его кузина мисс Рэйби), второго такого безмозглого самодовольного индюка я в жизни моей не видывал. Всегда кажется, что белый шейный платок его вот-вот удавит. И из-за этого крахмального укрытия он пытался смотреть на нас с Принсом, вторым учителем, как на каких-то лакеев. В школе от него проку почти что не было, – целыми днями он строчил от имени дирекции благочестивые письма родителям да сочинял нудные проповеди, которые произносил перед детьми. Человек, на котором по-настоящему держится школа, это – Принс, тоже выпускник Оксфорда, скромный, гордый и ученый; до распираания набитый греческой грамматикой и прочей бесполезной премудростью; удивительно добрый с маленькими учениками и беспощадный к дуракам и бахвалам; почитаемый всеми за честность, ученость, храбрость (был случай, когда в общей драке на пристани он так ударил одного верзилу, что и школьники и лодочники только рты разинули) и за ту скрытую силу, которую чувствует в нем каждый. Джек Роззги боялся смотреть ему в глаза. Старая мисс З. не смела с ним важничать. Мисс Роза делала ему самый глубокий реверанс. А мисс Рэйби прямо говорила, что боится его. Добрый старый Принс! Как часто вечерами, отправив спать своих питомцев, мы сживали с ним, бывало, в докторском каретном сарае и, отложив до завтра учительские заботы и трости, мирно курили среди развешенной по стенам сбруи.

После того как Джек Роззги получил в Оксфорде желанную степень, – что далось ему отнюдь не без труда, – здешнее учебное заведение, которое прежде называлось «Школой Роззги», «Академией доктора Роззги» и прочее в таком же духе, вдруг превратилось в «Родуэл-Риджисский колледж имени архиепископа Уигсби». Старую вывеску с золотыми буквами по синему фону сняли, она пошла на починку свинарника. Джек Роззги распорядился декорировать большой актовый зал в готическом вкусе, со статуями, возвел собственную колокольню и посреди школьного двора поставил бюст архиепископа Уигсби. Шестерых учеников выпускного класса нарядили в мантии и четырехугольные шапочки, что, безусловно,

производило впечатление, когда сии юнцы шествовали по городу, но вызывало вражду и насмешки пристанских парней. Так велико было пристрастие Роззги-младшего к академическим порядкам и облачениям, что он и меня готов был вырядить в профессорскую мантию с красными шнурами и подпушками, да я решительно отказался, – я считаю, что учителю чистописания никак не к лицу все эти причиндалы.

Кстати, я совсем забыл упомянуть Роззги-старшего, самого доктора Роззги. Что могу я сказать о нем? Ну, во-первых, у него очень громко шуршащая мантия с белыми отворотами у шеи, важный вид и оглушительный голос; а как он величав, когда беседует с родителями своих учеников, – он принимает их в кабинете, сплошь уставленном книгами в роскошных переплетах, и это производит сильное действие, в особенности на дам, убеждая их в том, что, мол, виг доктор так уж доктор! Но только не думайте, пожалуйста, книг он не читает и даже не открывает никогда, кроме тех, в которые закладывает свои белые воротнички, да кроме дагдейловского «Монастикона», который с виду кажется толстым фолиантом, а в действительности представляет собою погребец, где у него хранится миндальное печенье, портвейн и графинчик бренди. Классиков доктор Роззги разбирает только с помощью печатного ключа-перевода, который мальчишки именуют попросту «шпаргалкой», и когда он ведет урок, они устраивают ему всевозможные пакости. Шутники постарше стучатся к нему в кабинет и просят помочь с разбором трудного места из Геродота или Фукидида; он говорит, чтобы зашли немного погодя, он пока посмотрит текст, – а сам бросается искать спасения у мистера Принса или в своих «шпаргалках».

Роззги находятся всецело в ведении Роззги-старшего, поскольку сына своего он считает слишком увлекающейся натурой. Еще у него есть густые грозные брови, и он умеет кричать жутким голосом. Но грозная его повадка никого не пугает. Это только львиная шкура, или, говоря иначе, холостая пальба.

Маленький Мордант однажды нарисовал его портрет с длинными ушами, как у хорошо известного домашнего животного, за каковую карикатуру заслуженно пострадали его собственные уши. Доктор Роззги застиг его на месте преступления, впал в страшную ярость и поначалу грозился даже поркой. Но в тот день от Мордантова папаши как нельзя более кстати прибыла в подарок доктору корзина с дичью, отчего доктор Роззги смягчился и просто-напросто сжег портрет с ушами. Однако у меня в столе лежит за семью печатями еще один набросок работы того же юного проказника, с него-то и нарисован фронтиспис этой книги.

Первый боец

Старость моя уже не за горами, и в жизни и в странствиях моих я повидал немало великих людей. Видел Луи-Филиппа выходящим из Тюильрийского дворца; и его величество короля Пруссии, когда они с рейхсминистром в Кельне благословляли друг друга на рыцарский подвиг у меня под самым носом; и адмирала сэра Чарльза Нэпира (один раз, в омнибусе); и герцога Веллингтона; и бессмертного Гете в Веймаре; и покойного всеблагого папу Григория XVI; и еще человек двадцать великих мира сего, – из тех, взирая на коих нельзя не испытать почтительного и восторженного потрясения. Мне приятен этот трепет испуга – дань скромных духом Великому Человеку.

Так вот, мне довелось видеть и генералов, гарцующих во главе своих малиновых батальонов; и епископов, плавно шествующих под сводами соборов, опутив очи долу и жирными белыми пальцами прижимая к сердцу епископский берет; и университетских ректоров в дни высочайших посещений; и доктора Роззги во всей его славе, когда в выпускной день он, как глава школы, выслушивает обращенные к нему речи, – незабываемое зрелище; великие люди. Мне, правда, не посчастливилось увидеть ныне покойного мистера Томаса

Крибба, но, без сомнения, я отнесся бы к нему с тем же благоговением, какое испытываю всякий день при виде Джорджа Чэмпиона, Первого Бойца в школе доктора Роззги.

Когда, задавая ему задачку из арифметики, я только представляю себе, что ему ведь ничего не стоит поколотить меня, ударом под ложечку согнуть в три погибели Принса и третьего учителя, а самого доктора Роззги выбросить в окно, тогда я не могу не восхищаться этим благородным, великодушным юношей, который сидит так спокойно и миролюбиво и ломает голову над столбиками или ковыряется в тексте греческой трагедии. Он мог бы, если б захотел, взяться за колонны и обрушить школу на наши головы. Мог бы запереть двери и перебить нас всех, подобно Антару, возлюбленному Иблы. Но он оставляет нас в живых. Он никого не поколотит без причины, то горе тирану или подлецу!

По-моему, быть сильным, знать, что можешь поколотить всякого, – именно не действие, а только сознание, что все в твоей власти, – это величайший из даров. На открытом лице Джорджа Чэмпиона всегда сохраняется выражение божественного благодушия, которое есть не что иное, как знак осознания им собственной силы, и его честные голубые глаза светятся добротой и спокойствием.

Он непобедим. Этот лев даже детенышем показывал когти. Шесть лет назад сей страшный юный вояка вступил в схватку с самим Франком Дэвисоном (ныне офицером Индийского корпуса, братом бедного маленького Чарли, за которым так заботливо до последнего дня ухаживала мисс Рэйби), тогда уже семнадцатилетним юношей и признанным первым бойцом в школе доктора Роззги. С поля боя мальчика пришлось унести, и Фрэнк уважительно и восхищенно предрек ему великое будущее. Легенды о былых драках любовно берегаются во всех школах; в Родуэл-Риджисе сохранились даже предания сорокалетней давности – с юных дней самого доктора Роззги.

О битвах Чэмпиона с профессиональным кулачным бойцом, приезжавшим в Родуэл-Риджис на тренировки; с лодочником Блэком, грозой пристаней; с тремя главными задирами из «Школы доктора Уопшота», которые обижали нашего приходящего ученика, чья дорога домой вела мимо их академии, и так далее, и тому подобное, – обо всем этом знает в Родуэл-Риджисе каждый. Победителем неизменно выходил только он. Он добр и скромен, как все великие люди. У него честный, храбрый, ясный ум. Он не может сочинять стихи, как Пайндер, или читать по-гречески, как Уэллс из выпускного класса – этот кладезь учености, о котором Принс говорит, что его знаний хватило бы на шестерых самых что ни на есть первых учеников, – но он выполняет свою работу честно и добротнo, и где бы он впоследствии ни очутился, из таких, как он, получаютcя самые храбрые солдаты, самые лучшие сельские священники – честные английские джентльмены.

Закадычный друг и оруженосец старины Чэмпиона маленький Джек Холл, которому он как-то спас жизнь, вытащив его тонущего из Мельничного пруда. Забавно наблюдать эту дружбу: младший постоянно скачет и резвится вокруг старшего и подсмеивается над своим защитником. В школе они никогда не расстаются. А в праздничные дни их можно встретить за несколько миль от города: Джордж с палкой в руке твердо шагает по проселочной дороге, а маленький Джек семенит подле, перекидываясь шуточками с деревенскими красотками.

У Джорджа есть на реке своя лодка, в которой он, впрочем, большей частью дожит и курит трубку, пока Джек работает веслами. В крикет он тоже не играет разве только по большим праздникам или когда его школа выступает против местной команды. Перед его подачей мальчишки бессильны: ловить, когда он бьет, – это все равно, что перехватывать на лету пушечное ядро. Видел я, как он играет в теннис, как он летает по корту и золотистые его волосы развеваются – настоящий Аполлон в фланелевой паре. Прекрасное зрелище.

Остальные старшие ученики нашей школы – это Лоренс, капитан крикетной команды, Хайло, знаменитый главным образом своим великолепным аппетитом, и Питмен, прозванный Росцием за пристрастие к драматическому искусству. Прибавьте к этому еще Суонки, по

прозвищу Бриалин, полученному за страсть к помадам для волос, – он носит лакированные сапоги, а по воскресеньям надевает белые перчатки и подкарауливает на паперти шествующих попарно в церковь учениц «Школы мисс Пинкертон» – воспитательного заведения, недавно переведенного в Родуэл-Риджис из Чизика и руководимого родными племянницами покойной мисс Барбары Пинкертон, подруги нашего великого лексикографа, в строгих правилах, им одобренных и ею в свое время насажденных.

Такое поведение мистера Хорэса Суонки неоднократно вызывало нарекания; поговаривают, например, про какие-то записочки в стихах, помещаемые внутрь треугольных пирожков и передаваемые так через посредство миссис Раглз, которая по пятницам обслуживает молодых девиц, – и будто бы мисс Дайдоу, кому было адресовано угощение с вложением, пыталась проглотить ватный тампон и так покончить с собой. Но я не собираюсь здесь излагать эти нелепые слухи, могущие лишь повредить доброму имени превосходного учебного заведения, возглавляемого столь безупречными женщинами. И то сказать, мыслимо ли избежать столкновений, если, как раз когда мисс П. загоняет крючковатым зонтиком своих овечек в церковь, наших мальчиков обычно ведут на хоры? А про треугольный пирожок я просто ни одному слову не верю – все это выдумки ревливой мисс Роззги, которая завидует мисс Рэйби и вообще всем, кто красив и добр, и преследует, если я не ошибаюсь, кое-какие собственные цели.

Малая классная

Малой классной называется небольшая комната в дальнем конце школьного здания. Через малую классную ход в квартиру доктора Роззги; и здесь занимается со своими учениками мисс Рэйби. В ее ведении человек шесть совсем маленьких крошек, которых она обучает на свой простой лад, пока они не вырастут или не приобретут знаний настолько, чтобы оказаться пригодными к переходу в большую классную. Многие из них торопятся поскорее получить это повышение, – бедные простачки, не ведающие, как и взрослые, собственного блага!

А она еще ведет учет расходам, выписывает счета, заведует бельем и всей школе пришивает оторванные пуговицы. Кто не согласился бы, чтобы такая девушка пришивала ему пуговицы у его домашнего очага? Но – бейся спокойней, о глупое сердце!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.